

После роспуска СССР Каспий, который более 200 лет был зоной российско-иранских политических и экономических интересов, стал зоной российско-ирано-азербайджано-казахстано-туркменистанских интересов. Молодые, суверенные и независимые государства, образованные на постсоветском пространстве в зоне Каспийского бассейна, объявили свои права на богатства моря, и, собственно, это обстоятельство вывело политическую проблему статуса Каспийского моря на качественно новый политический уровень.

¹ *Бжежинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 151.

² *Чернявский С.И.* Новый путь Азербайджана. М., 2002. С. 69.

³ *Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003. С. 382.

⁴ *Дипломатический вестник.* М., 2001. С. 48–49.

⁵ *Wall Street Journal.* 2006. № 4. P. 38.

ДЕМОКРАТИЯ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

В.И. Коваленко
(Россия, г. Москва)

В мире науки и политической практики есть понятия, сохраняющие свою безусловную ценность. Одной из таких категорий выступает, несомненно, понятие демократии. Демократизация выступает непреложным требованием современного развития, и оно требует своего воплощения и в насковзь рационалистической Америке, и в гордящимся своими тысячелетними традициями Китае. Между тем само это понятие развивается, углубляется, наполняется новым смыслом, испытывает на себе давление со стороны новых вызовов. Недоучет этих требований может привести к накоплению противоречий не только в протодемократической, но и в зрелой демократической системе, девальвировать содержание этого понятия и даже поставить под сомнение основные ценности самого демократического развития как такового. Серьезные вопросы встают в аспектах соотношения представительной, прямой, политической и других видов демократии (прежде всего – экономической и социальной), демократии и стабильности, демократии и экономического роста, демократии и задач обеспечения прав человека в глобализирующемся мире и др. Остановимся только на некоторых из них.

Описывая современное ему общество, М. Вебер писал, что оно основывается на трех «китах»: индустриализации, стандартизации, рационализации – все под крепкой оболочкой бюрократического начала. В теории управления в этот период заявил о себе тейлоризм – первая, ставшая позднее классической школа науки о менеджменте. Ф. Тейлор выстроил жесткую пирамидальную модель управления, эффективность которой ставилась им в прямую зависимость от безусловного и четкого выполнения низшими звеньями предписаний, идущих с самого верха. В этой иерархизированной системе рядовой участник производственного процесса неизбежно рассматривался как «винтик» или, говоря словами К. Маркса, как «часть частичной машины». В практике индустриального общества такая модель закономерно коррелировала с точным производством, давшим конвейер и олицетворенным Г. Фордом старшим.

В политической жизни адекватной индустриализму формой стали мощные централизованные партии социал-демократического и коммунистического толка, ориентированные на трудящихся крупных производственных единиц, с достаточно унифицированными условиями труда и быта, жизненными потребностями и интересами организованных масс рабочих.

Естественно, что в этих условиях в обществе резко возрастало значение бюрократических начал.

Современная эпоха веберовскую картину мира «хоронит». Переход к мелкосерийному производству (экономическая дестандартизация), «электронное надомниче-

ство», дистанционные методы обучения и т.п. – все это требует коренной перестройки внутренней структуры, внутренней и внешней стратегии любой организации: фирмы, политической партии и даже государства в целом. Утверждается тенденция все большего делегирования распорядительных функций на уровень «субнациональных» единиц, на все более низшие ступени управленческой лестницы вплоть до основного субъекта производственного (или, скажем, политического) процесса – действующего индивида. В условиях компьютерной революции человек уже не может оставаться инструментом, винтиком системы, более того – всемерное развитие человеческого потенциала становится универсальным требованием новой эпохи. Тем самым современное историческое время властно требует ликвидации всевластия бюрократических форм и, в целом, утверждения развернутых демократических начал в своем социальном бытии.

Между тем эволюция теории и практики демократии в последние десятилетия не может не вызывать чувств серьезной обеспокоенности и даже тревоги. Разумеется, и понимание, и воплощение демократии нуждаются в своем углублении: она не может сегодня базироваться на канонах полисной Греции. По мере развития социума свое закономерное развитие не могли не получить формы народного представительства, выражаемые, прежде всего, в парламентаризме. Точная, поэтапная характеристика эволюции системы представительной власти дана М. Бихари: «Сначала парламентаризм отождествляется с конституционной и законодательной властью парламента: это означало, что принятые парламентом конституции и прочие законы призваны ограничить волю правителя (парламентаризм конституционных монархий). Позже сущность парламентаризма нашла отражение в принадлежности парламенту верховной власти и идее парламентского суверенитета... Возникновение принципа и идеи суверенитета народа обусловило новое содержание парламентаризма, а именно: верховная власть принадлежит не парламенту, а народу, парламентская власть в этом случае – лишь уполномоченная, акцидентная власть, ибо суверен – народ, а парламент только олицетворяет народный суверенитет, не внося при этом изменений в объект прав суверенности. Таков идеал представительной, или парламентской власти»¹. Необходимо, однако, обратить внимание на то, что из провозглашенной в свое время А. Линкольном формулы: «Демократия это власть народа, для народа, посредством народа» – все более старательно начинает вычищаться именно последний атрибут – «посредством народа». Демократия приобретает элитарные измерения. Народ, массы низводятся до уровня электората, и их роль сводится к праву голоса раз в три или четыре года. Нужно все же чувствовать узость такой трактовки демократии Й. Шумпетером или другими политологами. Демократия должна быть глубоко эшелонированной. Если народ не будет принимать участия в управлении государством, но будет иметь право лишь бросать бюллетени в урны, он никогда не станет субъектом политического процесса, по большому счету – субъектом исторического творчества, но останется всего лишь объектом, к тому же объектом зависимым и манипулируемым. Это негативно скажется и на характере политической элиты, и формула: «Политик мыслит категориями выборов, государственный деятель – категориями государственных интересов» – вполне точно опишет ситуацию во властных структурах.

Неслучайно в мировом научном сообществе в самые последние годы достаточно широким фронтом ведется если не критика демократии, то критика существующих демократических институтов, или, если выразиться более мягко, высказывается заметный скепсис в отношении их возможности. Причем мы имеем в виду работы не столько и, тем более, не только типа «Зеленой книги» М. Каддафи, но и труды вполне авторитетных ученых Запада последних лет (Г. Экстайн, А. Этциони и др.).

Определим некоторые реперные точки наших рассуждений. Для автора статьи нет сомнений в том, что в современном сложноорганизованном обществе ведущие позиции может и должна занимать парламентская демократия. Именно в ней воплощаются сегодня высшие функции народного представительства. Существенные пределы узурпации власти закладываются самим принципом разделения властей, и именно парламент как высший представительный, законодательный и контрольный орган, с точки зрения своей роли в политической системе, не может не занимать гла-

венствующих позиций по отношению к другим государственным учреждениям. Эти позиции, конечно же, отличаются в президентских и парламентских республиках, сохраняют свою зависимость от различных типов политического режима, но речь сейчас о другом.

Классические функции парламента в демократической стране – законотворчество, контроль и формирование правительства. К сожалению, в нашей стране Федеральное собрание РФ выполняет только первую, да и то под постоянный аккомпанемент разговоров о том, что все законопроекты должно готовить правительство. Для системы разделения властей ключевой является контрольная функция, которая на сегодня (и это реальность) выполняется ровно настолько, насколько это устраивает исполнительную власть. Есть и масса других проблем (речь, в частности, может идти о трудностях в становлении у нас партийной системы, при нынешней конфигурации властных начал никак не могущей обрести достойного места в обществе), которые, казалось бы, можно отнести к закономерным сложностям становления парламентской демократии в такой стране, как Россия.

Совершенствованием российских парламентских институтов нужно заниматься, заниматься серьезно и ответственно. Сошлемся, однако, на одно наблюдение: «76 процентов опрошенных считают "народных представителей" нечестными. Лидер оппозиции может снова и снова уверять, что не будет лгать и решит проблемы, которые не способны решить правительство, – три четверти избирателей ему не верят. Есть все основания для такого недоверия к политическому классу. Политический класс разучился говорить с народом. Он злоупотребляет политической трескотней и невразумительным жаргоном, не способным никого увлечь и никому ничего объяснить. А моральную серьезность политиков совершенно вытеснили торгашеская тактика и дешевая полемика...»². Самое интересное, однако, то, что данный пассаж взят не из российского источника. Это цитата из статьи одного из авторитетных немецких ежегодников, опубликованной в ходе предвыборной кампании в Германии летом 2005 г. Проблема, стало быть, выходит на некоторые субстанциональные основания парламентской демократии как таковой.

С точки зрения философии демократии, очевидно, важно отметить, что парламентаризм, занимая свою нишу, необходимую и огромную в контексте стоящих перед ним (и обществом) задач, – всего лишь один из инструментов демократического развития, не должный и не могущий вытеснить другие способы осуществления демократии. Института представительства для современного общества (тем более в аспекте задач преодоления бюрократического засилия, которое в особо острых формах проявляет себя как раз на непосредственном уровне) недостаточно – он необходим для координации и мобилизации каких-то общесистемных решений и действий. Но полного участия в отправлении демократии индивидов он не дает и дать, в принципе, не может. В обществе необходимо, следовательно, утверждать демократические формы полноценного участия граждан в политической жизни, другими словами, формы прямой демократии.

Достаточно обидным представляется то обстоятельство, что в России в политической науке внимание к этим проблемам существенно снижено. Дискуссии в научном сообществе в подавляющем большинстве сводятся к проблемам путей и форм совершенствования той же представительной демократии при почти полном игнорировании значения (пусть с определением необходимых границ) демократии прямой. Между тем разработка возможностей последней в странах развитой демократии ведется достаточно интенсивно. Речь при этом идет не только о политической сфере, но и о различных формах производственной демократии, о демократизации управления и т.п.

В России между тем имеются необходимые традиции такого подхода. Взгляды представителей государственной школы, господствовавшей в исторической науке в XIX столетии, отводившей руководящее начало в историческом процессе государству, рассмотревшей различные явления и проблемы его существования, прежде всего в законодательном, правовом аспекте, в свое время были существенно дополнены еще В.О. Ключевским. На первых же страницах вводной лекции своего «Курса рус-

ской истории» он заявлял: «Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит *исторический процесс*, т.е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизни человечества в ее развитии и результатах»³. В соответствии с этой общей посылкой им и придавалось громадное значение, с одной стороны, не только политической сфере, но и проблемам социальной и экономической истории; с другой – возможностям самого народа.

При всей плодотворности разработки проблем элитизма об этих методологических установках великого историка вряд ли следует забывать сегодня. В противном случае политологическое сообщество будет обречено на все большее конструирование технологий политического манипулирования, которое такой авторитетный специалист, как Р. Гудин, в свое время определил формой еще более ужасной, чем страх или террор,

При отсутствии в стране структур зрелого гражданского общества и осознания масштабности задач его вызревания возвращение, пестование даже, институций прямой демократии представляется совершенно необходимым. Абсолютно недостаточным представляется поэтому конституирование институтов наподобие Общественной палаты (хотя целесообразность ее создания – и создания подобных органов – автор статьи совсем не склонен отвергать), но нужно, чтобы механизмы активного демократического участия начинали проникать во все слои общества. В конце концов, научение «кухарки» управлению государством – стремление достаточно благородное, с точки зрения и политических, и моральных измерений, разумеется, принимаемая при этом и осознание «многослойности» общества и государства, имеющих свои этажи, подсистемы, и понимание возможностей естественного политического роста, исключающего механизмы искусственного квотирования и «демократической» микрии.

Есть ли в связи с этим проблемы на пути воплощения прямой демократии? Есть, и проблемы достаточно серьезные. Существует безусловное противоречие между желанием обеспечения участия в управлении самых широких масс и императивами профессионализма. Управленческий труд – высокопрофессиональный труд, требующий специализированных знаний, навыков, соответствующего опыта. Это особенно серьезно, если речь идет о таком сложном организме, каким выступает общество, особенно политическая его сфера. Однако это объективное противоречие нужно и можно решать не на путях тотального отказа от прямой демократии и поисках исключительно элитарных форм, но на путях выстраивания соответствующих механизмов. В принципиальном плане можно выделить, по меньшей мере, два блока таких механизмов. Это, во-первых, повышение общей, профессиональной и политической культуры населения, борьба с засилием низкопробных образцов массовой культуры и, во-вторых, практическое участие в управленческой работе через различного рода комитеты, комиссии, советы, профсоюзы. Если такие структуры будут действенными и пронизывать все общество, необходимая школа по приобретению нужных управленческих навыков будет успешно пройдена.

Необходимо обратить внимание еще на один момент. Когда автор статьи говорил, что демократия должна быть глубоко эшелонированной, имелись в виду не только ее различные этажи по линии: общество – социальные, национальные, профессиональные и иные группы и, наконец, индивиды, – но и то, что демократия должна проявлять себя в различных формах и видах. Интеллектуальный и моральный дискомфорт у автора вызывает частое сведение демократии (и шире – задач трансформации общества) лишь к политической сфере. Давайте задумаемся над тем, как осуществлялись крупномасштабные реформы в нашей стране, а именно те из них, которые обозначали собой заметные отходы от традиционалистских оснований общественной жизни. Возьмем, например, комплексные преобразования Петра I, касавшиеся всех сторон жизни социума, или пакет реформ 60–70-х гг. XIX в., включавший в себя аграрную, судебную, военную, земскую и другие реформы. Без этих реформ политическое развитие нашей страны просто немыслимо. В XIX в. вопрос о преобразовании политической системы встал на излете этих реформ: были, разумеется, некоторые малозначимые проекты (в частности, П.А. Валуева), но проект так на-

зываемой Конституции М.Т. Лорис-Меликова появился лишь к 80-м гг. История учит: действительно значимая реформа, обладающая колоссальным политическим потенциалом, должна носить многообразный характер, предусматривать изменение всех основных структур жизнедеятельности человека и общества. Опыт реформ в других странах также показывает правомерность такого подхода – вспомним, например, Китай. Речь при этом не идет о вторичности перемен в политической сфере, но лишь об опасности абсолютизации, отрыва изменений в политической сфере от реформирования других жизненно важных областей деятельности.

Если же говорить о задачах политической науки, то мы вряд ли сегодня должны сводить проблематику наших исследований только к собственно политической области. С нашей точки зрения, чрезвычайно важно расширить предметное поле политологических исследований. Политический анализ всего того, что связано с задачами реформирования страны, не может не носить комплексный характер, если он претендует на точность, выверенность, перспективность решений и действий.

Понимание демократии в этой связи также необходимо диверсифицировать, она должна носить еще и социальный характер. Мы в России хорошо знаем это по нашей истории. Нравится нам это или нет, но социальная сторона жизни, вопросы социального обустройства традиционно имели более важное звучание, чем поиски приемлемых политических форм. В движениях народных низов, включая крестьянские войны, в центре системы требований неизбежно оказывались задачи не политического, но социального переворота. Политические элиты, приходившие к власти в переломные времена, стремительно теряли доверие населения, если за фасадом демократических преобразований не стояло решения назревших социальных задач. Показательны в этом смысле судьбы правительства А.Ф. Керенского и команды М.С. Горбачева, которые первоначально обладали громадной поддержкой.

Если государство будет стремиться стряхнуть с себя заботу о нуждах науки, образования, здравоохранения, материнства и детства, если социальная политика будет вынесена за скобки демократического процесса, полноценной демократии мы не получим. Более того, все эти сферы – совсем не досадный довесок к нуждам государства, но неперемное условие его успешного развития. Социологи Московского университета на примере многочисленных исторических катаклизмов просчитали, что если в результате, скажем, войны в какой-либо стране был практически полностью разрушен экономический потенциал, но сохранились научные и образовательные структуры и кадры, то эта страна поднималась из разрухи вчетверо быстрее, чем это было бы при другой ситуации.

Разумеется, речь не идет при этом о воспроизведении прежних идеалов патернализма. Но в любом случае в современную эпоху демократия не может восприниматься вне своих социальных измерений, равно как и вне контекста экономической эффективности, обусловленной параметрами соответствующих политических режимов.

С точки зрения демократического процесса, важно отметить, что участие в различных социальных начинаниях, в различных формах управления производством и др., несомненно, будут способствовать общему росту политической культуры населения, превращению индивидов в действенных субъектов политического процесса. Вне этого и без этого об обнадеживающих перспективах демократического развития в стране и говорить не приходится.

И, наконец, последний тезис, который хотелось бы озвучить, тем более что он связан с мифом о так называемой «оси зла», раздуваемым определенными кругами. Речь идет о непростых процессах глобализации, правах человека в новых условиях и т.д. Проблемы эти достаточно противоречивы. Отдавая полностью отчет во многих позитивных сторонах их решения сегодня, уместно остановиться и на ряде существенных издержек, на том, что вызывает чувства обеспокоенности и тревоги. Правомерным представляется выделение двух групп вопросов.

Первая из них лежит в сфере актуальных политических измерений. Так, вряд ли можно воспринимать с удовлетворением достаточно целенаправленно осуществляемую политику по принижению роли международных общепризнанных институтов, в первую очередь ООН. Часто говорят: ООН слаба. Пожалуй. Но давайте укреплять

силу и возможности этого института, получившего соответствующие мандат и права от международного сообщества. НАТО, к примеру, таким мандатом и такими правами не обладает, и легитимность многих действий этого альянса в последние годы вызывает, мягко говоря, большие сомнения.

Что совсем неприемлемо – так это практика двойных стандартов. Смогли бы оправдать США свое (и союзников) вторжение в Ирак без масштабной кампании о наличии у Хусейна оружия массового поражения? Где это оружие? Пожарили нескольких чиновников за введение правительства в заблуждение, этим дело и кончилось. Для любого мало-мальски смыслящего эксперта с самого начала было ясно, что речь идет об установлении геостратегического контроля над регионом, над мировыми потоками нефти и т.п.; все остальное – обман для непосвященных.

Но я хотел бы перевести вопрос в более фундаментальную – философскую – плоскость: об опасности унификации современного мира. В теории систем давно доказано, что прочность любой сложноорганизованной системы зависит совсем не от однородности ее элементов, ее, так сказать, одноклеточности, но от ее разветвленности, от богатства и разнообразия связей между составляющими ее элементами.

Международное сообщество, конечно, должно быть озабочено правами человека, борьбой с терроризмом, должно шлифовать инструменты для оптимального утверждения гуманистических норм и ценностей. Вряд ли, однако, великая буддийская цивилизация, законно гордящаяся своей многотысячелетней культурой, примет когда-либо стандарты и нормы, свойственные атлантическим представлениям, взращенные на иной социокультурной традиции. Мир ислама уже сегодня грозно предупреждает о близорукости такой политики. Думается, что «разлом цивилизаций», о котором так много пишут в наши дни, может в случае насильственного «осчастливливания» обернуться их столкновением.

Нужно понять, наконец, что многообразие мира – это не «кара Господня», это великое богатство, которым нужно правильно распорядиться. Давайте же уважать исторические традиции друг друга, познавать опыт друг друга, плодотворно сотрудничать на нашей планете.

¹ Бихари М. Парламентаризм // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 42.

² См.: *Pro et Contra*. 2005. № 2 (29). С. 112.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 34.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР СЕГОДНЯ

К.Т. Утельбаев

(Республика Казахстан, г. Атырау)

Глобализация способствует более широкой взаимосвязи и взаимозависимости общения государств и социумов. Но в то же время широта общения снижается из-за того, что религиозные основы нельзя усвоить внешним образом, так как они требуют индивидуального отношения. Терроризм, имеющий сегодня религиозную окраску, не следует идентифицировать по религиозному или национальному принципу. Сохраняя подобные подходы, мировое сообщество, не преодолевшее пока последствий раскола мира «Восток – Запад», может оказаться ввергнутым в пучину раскола уже по конфессиональному признаку «христианство – ислам».

«Определяющими факторами активизации международных террористических организаций явилось то, что на рубеже второго и третьего тысячелетий человечество столкнулось с новыми вызовами и проблемами, вызванными глобализацией, характерные черты которой не только углубление межгосударственных и межобщественных отношений, стремительный рост глобальных торговых и финансовых потоков, транснациональных предприятий, но и обострение межнациональных отношений,